

Погода в этот день была мерзопакостная. Эдик стоял у окна и с выражением глубочайшего омерзения на лице смотрел на бьющие по стеклу капли дождя, мрачное серое небо и унылые гаражи. Через дорогу от его дома, как зеркальное отражение, стояла такая же мокрая пятиэтажка. По тропинке, уходящей немного вбок от его двора, шёл человек, крепко закутавшийся в плащ, полы которого отчаянно трепыхались на ветру. Он низко наклонялся вперёд, как бы тараня воздушные потоки. Эдик с ужасом смотрел то на него, то на единственную берёзку, раскачивающуюся в разные стороны. Эдик никогда не выходил в такую погоду из дома. Мама его работала врачом и всегда обеспечивала его справками, тем более что сын не бездельничал, а самозабвенно трудился. Бу-

дучи отличным переводчиком, Эдик неплохо зарабатывал, не выходя из дома.

А сегодня позвонил Вася и всё испортил. Испортил уют тёплого дома и спокойного вечера за чьей-то диссертацией о динозаврах и чашкой ароматного кофе. Эдик вздохнул и, наконец, оторвавшись от окна, раскрыл стоящий в глубине комнаты шкаф. Что бы такое надеть? Простояв с минуту, тупо уставившись на ровные ряды одежды весьма консервативных цветов и вполне приличных марок, он поморщился и провёл по голове рукой так, как будто бы хотел расчесать пальцами волосы. Но волос не было. Эдик чертыхнулся. Когда-то он носил не очень длинные волосы, но с чего-то вдруг решил кардинально поменять имидж и обрился почти наголо. Как говорится, под ноль-пять. Побриться-то побрился, а привычка запускать руку в шевелюру и небрежно отбрасывать её, так, чтобы волосы красиво струились между пальцами, осталась. Теперь он просто как-то растерянно хватался за голову и чертыхался. Как оказалось, короткая стрижка ему совсем не идёт. Ого-

лились фигурные залысинки шрамов, и уши непрезентабельно торчали. Черты лица стали казаться крупнее, и даже совсем незначительная щетина придавала ему вид бандита из дешёвого сериала. Из такого, где у актёров на лицах написано, кто есть кто. Чтобы всё всем было понятно сразу. Вот и с Эдиком стало сразу всё ясно. Старушки на лавочках стали здороваться сквозь зубы и вслед охать, что вот, мол, и он таким же стал, а какой парень был. Оно и ладно бы. Но Эдик очень щепетильно относился к тому, какое впечатление он производит на людей. Особенно на старшую половину. Вахтёрши, гардеробщицы, секретарши, преподавательницы, продавщицы — вот неполный перечень всех тех особ женского пола, кого Эдик мимоходом очаровывал. Compliments он делал правдоподобные и посему более приятные. Выслушивал разговоры о племянниках, детях и внуках, умудрялся всех их запомнить и при случае поинтересоваться, как там у них дела, тем самым, вызывая бурный восторг, а иногда и слезу умиления. Приятели Эдика сначала посмеива-

лись над этим его хобби выслушивать всякие жалобы и сплетни, но когда просекли, какие плоды Эдик пожинает, языки прикусили. Во-первых, перед Эдиком осталось совсем мало закрытых дверей, во-вторых, столько, сколько он знал о преподавательском составе института, не знал никто. Люди обращались к нему с самыми различными вопросами, тем самым расширяя круг его влияния. К примеру, с утра вахтёрша сказала Эдику, что заведующий кафедрой вчера поругался с женой (она слышала разговор по телефону) и не пошёл ночевать домой (спал в кабинете). А в столовой к нему подходит пара однокурсников и говорит, что хочет попросить о переносе зачёта на пару дней. Но, несмотря на то, что причина весьма уважительная, Эдик говорит, что к заву с таким предложением сегодня лучше не соваться. Сначала находились те, кто сомневался в его советах, но вскоре все стали верить ему на слово. С педагогами Эдик был на короткой ноге. Отличная успеваемость, тонкий ум и умение слушать располагали к себе, и весь преподавательский состав сливал Эди-

ку накопившиеся переживания, новости и слухи. Так что Эдик прослыл почти всемогущим гением дипломатии. Этот образ гармонично дополнял безупречный прекрасно сидящий костюм, всегда белая рубашка и неидеально завязанный галстук. Чтобы казаться простым парнем со своими недостатками. Приятный мягкий аромат дорогого парфюма и милая полуулыбка. Улыбаться во всю ширь белоснежных зубов Эдик считал неприличным. Особенно в местности с пониженным содержанием фтора в воде. К власти Эдик совсем не стремился, так уж получилось. Можно сказать, что он стал жертвой своего обаяния, но со временем смирился с этим и стал получать от этого удовольствие.

При всех своих достоинствах Эдик имел очень мало друзей. А точнее всего одного друга Васю. В старых фильмах про таких, как Вася, говорили «непутёвый», и эта характеристика как нельзя лучше подходила низкорослому, худосочному парню. С Эдиком они жили в одном подъезде и дружили буквально с пелёнок. Вася обладал поразитель-

тельным даром отвращать от себя людей. То в носу поковыряется, то ляпнет что-нибудь не то и не к месту. Короче говоря, полная противоположность тактичному и всеми обожаемому Эдику.

В этот мерзкий осенний день Вася позвонил Эдику и умолял приехать в небольшой бар на другом конце города. Все попытки Эдика отмазаться от этой поездки были встречены чуть ли не рыданиями друга. Поэтому Эдик сдался. Он немного тревожился, но, тем не менее, в глубине души представлял с мстительной радостью, как обматерит дружка, если причина окажется пустяковой. Эдик опять погладил голову и в который раз чертыхнулся. Ладно, зато папа рад, что остриг волосы. У него весьма узкое представление о том, как должен выглядеть настоящий мужик. Теперь он смотрит на своего бандитоподобного сынка и радуется.

Эдик нескоро добрался до бара с интересным названием «Бегемот». Он не так себе представлял бары. Со стороны это заведение напоминало хорошо разрисованный

вход в подвал. Граффити, стилизованные до нечитабельности слова, эпатажные надписи и призывы. Однако же вывеска не давала никаких сомнений в том, что это действительно бар «Бегемот». Эдик с опаской огляделся, окинул взглядом не радостный и совсем не оживлённый пейзаж вокруг. Унылые пятиэтажки, недостроенные корпуса и гаражи. Вздохнув, он направился внутрь. Несмотря на то, что выглядел он как белая ворона в рубашке, брюках и элегантной куртке, никто не обратил на него никакого внимания.

Васю он нашёл без труда, народу было не очень много, и освещение, хоть и тусклое, но всё-таки имелось. И ещё Эдик отметил, что бар уютный, хоть и мрачноватый. Небольшая сцена, танцпол, барная стойка и столики с крепкими деревянными лавками по периметру. На стенах висели плакаты, афиши и постеры. Окон не было, над сценой висело что-то непонятное, отдалённо напоминающее корову в кожаной куртке. Приглядевшись, Эдик распознал в чудище бегемота, и ухмыльнулся. На нём был рога-

тый шлем, куртка косого покроя, а копытом он делал козу. Эдик передёрнул плечами от этого безобразного зрелища и сел рядом с Васей. Как только он опустился на лавку напротив друга, тот показал пальцем на сидящую в отдалении брюнетку.

— Ага, — кивнул Эдик. — Вот, значит, из-за этой девушки я сейчас не сижу в мягком кресле и не работаю?

— Именно. Из-за неё. Но ты приглядишься, разве дело того не стоило, а? И вообще, я о такой бабе всю жизнь мечтал! — пафосно заявил Вася. — Присмотришься, Эдя. Явно не балованная, денег на неё много не надо. Да у меня и нету. По-любому не девочка, ломаться и изгибаться не будет. А лицо! Эдя, посмотри, какое лицо! Это же само совершенство. Да её если одеть нормально, дорого и по-модному, она засверкает и всю жизнь тебя благодарить будет.

Эдик с безразличным выражением лица слушал рассуждения старого друга. Покачав головой, он закурил и, наклонившись к нему поближе, громко сказал:

— Вася, ты дурак. Нет, ты не просто ду-

рак, ты дурак... Ёлки, я даже тебе слово подобрать не могу! Короче, слушай и запоминай. Второй раз повторять я не буду. Что ты там сейчас плёл? Не балованная? Ты это почему так решил? Потому что на ней джинсы рваные и пальто грязное? Ты, Вася, шары-то не пучь на меня, а на её ножки посмотри. Видишь эти скромные ботиночки? Так вот, стоят они долларов двести пятьдесят. Ты когда такие деньги последний раз в руках держал? А она этими деньгами грязь месит. А то, что пальтишко грязное, так это погода такая дерьмовая. Кстати, что она курит?

— Ты про боты это как так сразу определил? — Вася пропустил мимо ушей вопрос про сигареты. Его такие мелочи вообще никогда не заботили.

Эдик постучал себя пальцем по лбу.

— Магазины элитной обуви у нас в городе кому принадлежат?

— А да, точно, бате твоему — закивал Вася. — Я как-то не подумал.

— Да ты вообще как-то не думаешь. Короче, розовым свитерочком с рынка ты её не

осчастливишь. И по поводу секса я бы на твоём месте не обольщался. Может, у неё и парень есть.

Вася заметно погрузтел и посмотрел в сторону незнакомки.

— Ну, поэтому я тебе и позвонил. Выручай, друг. Я сам точно всё испорчу. Блин, я не знаю. — Он вздохнул и, немного помолчав, добавил: — Я её давно заметил. И, короче, клинит меня на неё. Выручай, Эдик, я без тебя никак.

— Ладно, — Эдик как зачарованный пялился на бегемота, пытаюсь понять, из чего же он сделан. Приняв решение, что на досуге он обязательно это выяснит, он обратился к другу. — Только обещай, что никакой самодейтельности. Будешь делать только то, что я скажу. Договорились?

— Договорились. Слушай, а если у неё таки есть парень, тогда что? Ты ведь тогда ничего поделывать-то не сможешь, — разочарованно протянул Вася.

— Нет ничего такого в человеческих отношениях, чего я не смог бы изменить. Яс-

но? Если парень есть, то считай, его уже нет. Что ты про неё знаешь?

Вася охотно принялся сообщать информацию:

— Ну, то, что она тусуется с нефорами. Но не со всеми, а только со старичками. Ну, с теми, кто уже давно на роке и уже отошёл от всякой там атрибутики и прочей белиберды. Типа там музыканты, поэты, художники. Где учится, где живёт — не знаю. Ничего, короче, не знаю. Вижу её иногда в этом баре, иногда к ней подходит поболтать вон тот хмырь толстый. Но он точно, наверно, не её парень. — Вася показал на стоящего у двери парня с огромной залысиной на лбу и таким же огромным хвостом сзади.

— Что-то лицо знакомое. По-моему, он на филологическом в нашем институте учится. — Эдик пристально посмотрел на «толстого хмыря». — Да, точно. Ну, вот и хорошо, вот и ладненько. Пойду на разведку.

Эдик встал и, ненароком оглянувшись на дальний столик, столкнулся взглядом с незнакомкой. Она смотрела на Эдика не ми-

гая, слегка улыбаясь краешками губ. Эдик как зачарованный уставился на неё и никак не мог заставить себя оторвать от неё глаз, а потом неожиданно для себя направился прямо к ней. Снял куртку, повесил её на спинку стула. Сев напротив, он положил на стол руки и, глядя снизу вверх, поздоровался, стараясь придать своему голосу как можно больше сексуальности. Девушка не ответила, лишь пошире улыбнулась. Эдик полез в карман за сигаретами, в который раз подмечая, что без этой пагубной привычки ему было бы гораздо тяжелее разговаривать с людьми. Вот вроде бы он занят делом, и пауза уже не кажется такой неловкой.

— Что ты куришь? «Парламент»? Дай мне сигарету. — Она брезгливо отбросила пачку «Петра». — Ненавижу «Пётр», тем более лёгкий. Раньше любила, до появления новой пачки. Теперь у него какой-то привкус.

— А зачем куришь, раз не любишь?

— Никак не могу объяснить друзьям, что больше «Пётр» мне не нравится. По привычке покупают, делают приятно, а мне приходится курить. Чтобы не обидеть. —

Она улыбнулась и закурила. Эдик неожиданно для себя отметил, что никогда не видел, чтобы девушки так красиво курили. Отметил красивые ухоженные руки, отметил, что она ни на миллиметр не придвинулась к его зажигалке — поэтому он встал и аккуратно поднёс огонь к её сигарете.

— Я тебя здесь раньше не видела. Решил закосить под нефора или ищешь экзотики?

— В смысле? — немного опешил Эдик. — Что ты имеешь в виду под экзотикой?

— У мажоров последнее время модно трахаться с сатанистками и панкухами. Антураж заводит. Что-то там ещё о притяжении противоположностей и знаках протеста. Вон посмотри, как на тебя девочки с соседнего столика пялятся, особенно та, с кольцом в носу. Буйвол разъярённый.

— Кто буйвол? — не понял Эдик.

— Девочка, конечно. Ладно, забей. Так что ты хочешь?

— Познакомиться хочу, — наконец взял себя в руки Эдик. — Гордеев Эдик. — Он протянул руку, но девушка даже не взглянула на него. Аккуратно стряхивая пепел, она за-

думчиво несколько раз повторила его фамилию, а потом неожиданно спросила:

— Твой отец торгует шлёпанцами?

— Откуда ты знаешь? — Он приложил все усилия, чтобы не выдать того, что его задела такая форма вопроса.

— Читаю ценники на досуге.

— Увлекательное чтение? — не удержался от колкости Эдик.

— Очень.

Какое-то время они молчали, причём молчание ему казалась весьма тягостным, тогда как она, казалось, испытывает от этого удовольствие. Пока молчали, Эдик рассматривал её руки. Заметил массивный золотой браслет, выглядывавший из рукава пальто. Нда, Вася явно погорячился по поводу неизбалованности.

— Чем ты занимаешься, Эдик? — Голос у неё был низкий, а речь лишена каких-либо особенностей. Ей бы новости на первом канале читать, подумал Эдик и ответил:

— Я переводчик. Учусь на третьем курсе иняза и работаю в издательстве на полставки. Ещё перевожу всякие научные труды. А ты?

— А я не перевожу. — Она усмехнулась. — Я в университете на философском. Уже на четвертом курсе.

— Ого! Давно хотел познакомиться с кем-нибудь с этого факультета. Не каждый день видишь живого философа! Все, кого я знаю, — Сократ, Декарт уже мертвы и никогда мне лично не раскроют тайны мироздания, а вот ты... — Он широко улыбнулся, но напоролся на презрительную гримасу на её красивом лице.

— Переводишь научные труды, а такой болван. — Она затушила сигарету. — Ладно, мне пора. Не возражаешь?

Она быстро встала, взяла со стола пачку «Парламента» и, сунув её в карман, выскользнула из бара. Эдик поднялся вслед за ней, но вспомнил про куртку, которая зацепилась за стул, замешкался и, когда выскочил на улицу, то никого не увидел. Холодный ветер пронзил его всего насквозь, и возможно, первый раз в жизни Эдик почувствовал себя полным идиотом.

Вслед за ним вышел Вася. Съёжившись

от холода, они молча стояли, пока Вася не нарушил тишину вопросом:

— Ну что узнал? У неё есть парень? Как хоть её зовут?

Эдик молчал, и если бы не завывания ветра, можно было бы услышать скрип его зубов.

— Чего ты молчишь, а?

— Где этот толстый хмырь? — зло спросил у друга Эдик.

— Мне нравится, когда люди задают вопросы прямо в лоб, без всяких экивоков и прочего. — Эдик сидел за столиком рядом с тем самым толстым хмырём, который действительно учился на филфаке в том же институте и был другом прекрасной незнакомки. Хмырь говорил: — Ты хочешь узнать про неё что-нибудь и просто спрашиваешь меня об этом. Это здорово! Люди разучились говорить правду, спрашивать правду и делать правду. Людей почти не осталось, вокруг одни вруны и прощелыги. — Эдик покорно кивал, помешивая ложечкой кофе с коньяком. Пятьдесят на пятьдесят. Во всяком случае,

сейчас он чувствовал себя в своей тарелке. Просто молчать и слушать, вовремя задавая наводящие и направляющие вопросы. И всё. Весь его секрет — молчать и слушать.

— Я давно говорю, что когда ты чего-то хочешь, ты это сделаешь, даже если ты не мог чего-то. Просто характер нужен. Вот у Янки характер есть. У неё знаешь кто хахаль? Не знаешь? У неё хахаль — вор. Не просто вор, а настоящий, ты понимаешь, о чём я говорю? Все дела, понты, сало, масло запахло, курицу петух того. А ей по барабану! Ты прикинь? Они живут вместе уже два года. Он ворует, а она рок слушает. Ну, ты понимаешь, о чём я, да? Понимаешь? Два года он ей: ты достала, ты тусуешься со всяким волосатым чмо, это типа про меня, всякими пидорами. Это типа тоже про кого-то там, не знаю. Ну, видишь, серьга в ухе и всё. Моря-то рядом нету! Ха-ха-ха!

Эдик с трудом разбирал этот пьяный бред. Одно он понял наверняка — парень у неё есть и не простой. Присутствующий рядом Вася вообще сник и опрокидывал в себя одну за другой стопочки водки. В этот

момент возле двери бара возникла какая-то возня. Присмотревшись, Эдик увидел, что бритоголовый парень держит за шкуру ху-досочного рокера и методично пинает его под зад. Сцена эта не привлекла ничьего внимания, что говорило о том, что дело это обычное. Через некоторое время парень вырвался и с проворством мыши ускользнул в тёмный проём входной двери. Бритый же направился в сторону Эдика, Васи и «толстого хмыря» по кличке Лем. Лем обрадованно вскрикнул и замахал руками в знак приветствия. Тот поймал одну, крепко сжал и сел рядом за столик. Руки бритого были затянуты в тонкие чёрные перчатки со сре-занными пальцами. Кожаные штаны, чёрная обтягивающая футболка, куртка из грубой кожи и солдатские ботинки не оставляли сомнений по поводу его политической ори-ентации. Бледное лицо с правильными, но невыразительными чертами, казалось, во-обще не может улыбаться.

— Щерый, знакомься. Это Эдик и Вася. Клёвые парни. Парни, это Щерый.

— Ясно. — Щерый посмотрел в глаза Гор-дееву. — Чё-то я тебя раньше тут не видел.

Лем примирительно похлопал его по плечу.

— Нормально. Нормальный парень, свой. Ты вообще кто? — неожиданно спросил он у Эдика.

— В смысле? — удивился он такому вопросу.

— Какую музыку слушаешь? Или ты идейный?

Эдик слушал кислоту и зарубежную поп-музыку. Но, конечно, говорить о своих истинных музыкальных пристрастиях он не стал.

— Я идейный, — сказал он и подумал, что ему надо почитать соответствующую литературу. Долго он говорить о том, чего не знает, не сможет. Неожиданно спас положение Щерый.

— Надеюсь, ты не думаешь, что я нацист? — с усмешкой спросил он у Эдика, — Мой внешний вид многих пугает. Особенно тех, кто остро ощущает своё национальное меньшинство. Аж вжимаются в землю. Только, конечно, не тогда, когда чувствуют своё численное преимущество. Как стадо баранов.

— А когда их много, они что, драться лезут? — спросил Лем. — Никогда не поверю, что кому-то приходит в голову полезть на тебя в драку!

— Никто и не лезет. Люди чувствуют адреналин не хуже собак. Не все, правда, это осознают. Ненавижу всех, — как-то устало сказал он.

— Случилось что? — спросил его Лем.

— Нет, устал, просто.

— А к парнишке чё привязался? — допытывался Лем.

— Да вот, как раз скинхедом меня назвал, — усмехнулся Щерый.

— Выпьешь? — спросил Вася. — Тебе лучше станет, в натуре.

— В натуре ты на брудершафт с гопами пить будешь. — Щерый хоть и выглядел уставшим, но в голосе чувствовался металл. — А я не пью.

— А ты всех как ненавидишь, группами или по отдельности? — заинтересовался Эдик.

— По отдельности и группами. Ты вообще знаешь, на что человек способен? Я имею в

виду потенциальные возможности, например, мозга. Короче, сложно это. Ненавижу людей, и всё. Хотя бы за то, что, назвав другого человека зверем, думают, что оскорбили его.

— И что, ты совсем никого не любишь? — настаивал на своём Эдик.

— Люблю, — неожиданно улыбнулся Щерый. — Своего кота. Это единственное совершенное существо на этой планете, к тому же искренне меня любящее.

— Да ты просто его кормишь, вот он и стелется, чтобы кусмень пожирнее выклянчить. Зверь, — улыбаясь, сказал Лем.

— Дурак ты, Лем, — устало буркнул Щерый. — Даже говорить с тобой на эту тему не хочу.

— Значит, и правда устал, — усмехнулся Лем. — Кстати, позвольте заметить! Считаю щеровского кота полным идиотом. И это есть исключительно красочное подтверждение того, что у гениальных родителей идиоты дети.

Щерый засмеялся, и его лицо показалось Эдику даже каким-то интересным, а весь об-

лик — обаятельным. Они ещё долго разговаривали о щеровском коте и человеческой природе. И ни слова о Яне. Сначала Эдик расстраивался из-за этого, а потом забылся и с удовольствием сам вступил в полемику.

После одиннадцати, как оказалось, в этом баре играет живая музыка. Лем объяснил, что иногда здесь можно услышать местные молодые команды, но в основном здесь старички играют всякие хиты и немного своих, более-менее известных зрителю песен. Как раз по вторникам здесь русский рок. Объяснив всё это, он встал и пошёл куда-то за стойку. Через пятнадцать минут Эдик увидел его на сцене с микрофоном. В помещении сразу стало в два раза больше народу. Многие зашли с улицы, где тусовались до этого. К их столику подсели какие-то девчонки, Эдик со Щерым встали и, оставив Васю с девчонками и водкой, пошли к барной стойке. Эдик купил две бутылки кока-колы и одну протянул Щерому. Ему нравилось присутствие здесь непьющего парня. Эдик сам очень не любил алкоголь и всегда сталкивался с непониманием окру-

жающих. Пил через силу, хитрил, сливал в цветы, подливал минералку вместо водки, делал коктейли и потом страдал два дня головной болью. И вот теперь он с удовольствием потягивал колу, и никто ему не выговаривал, что он некомпанейский и портит всем праздник. Этим людям вообще трудно праздник испортить. Эдик время от времени поглядывал на входную дверь, которая регулярно выплёвывала в душный зал очередную порцию рокеров самого различного возраста и вида. Он надеялся, что Яна вернётся. Ну и предстоящее выступление Лема его заинтересовало.

— Кого высматриваешь? Кого-то ждёшь?

— Нет, — покачал головой Эдик. — У тебя здесь мало знакомых? К тебе почти никто не подходит, — спросил Эдик, глядя на лобызавшихся со всеми подряд подростков.

— Я всех тут знаю. И меня тут все знают. Поэтому подходят только те, кто знает, что я не плюну им в руку.

— А мне плюнешь? Если я к тебе тут как-нибудь подойду?

— Тебе? — Щерый смотрел на Эдика не

мигая. — Тебе не плюну. Пока, во всяком случае.

Эдик усмехнулся, но ему почему-то было немного приятно. Встал в один ряд с Лемом и гениальным котом. Щерый всё так же пристально смотрел на Эдика. Наконец тот не выдержал.

— Что? Что-то не так?

— Да вот, думаю, какого тебе тут надо.

— Как какого, какого всем, такого и мне, — пожал плечами Эдик.

— Врёшь. — Щерый смотрел на него, хитро прищурившись. — Ты не нефор. Ты даже представления не имеешь, что это за культура. И вряд ли ты меломан. Меломаны тут с утра тусуются, дисками меняются, фигню собирают. Такие, как ты, во всяких модных клубах с гламурными девочками обжимаются.

— С чего ты это взял? — Эдика немного задело то, что какой-то псих его так быстро вычислил.

— Я же говорю, что не притупляю свой мозг, а даже совсем наоборот.

Лем запел известную песню Шевчука

про осень. Они помолчали. Через какое-то время Щерый опять начал.

— Я обладаю всеми видами памяти. Среди них и память на лица. Короче, не наш ты.

— На кого ты учишься? — задал Эдик давно мучивший его вопрос.

— Угадай, — усмехнулся Щерый.

Эдик напрягся, взгляделся в бледное, ничего не выражающее лицо. Как у солдата. Механик, слесарь, сантехник?

— Не знаю. Сдаюсь.

— Я ветеринар. — Щерый улыбался, довольный произведённым эффектом. — Среднее специальное у меня уже есть. Сейчас учусь на врача. В сельхознавозе.

— Логично, но неожиданно, — хмыкнул Эдик.

— Нда уж. А ты? — поинтересовался, в свою очередь, Щерый.

— Я переводчик. На третьем курсе.

— Читал «Бойцовский клуб» Паланика?

— Нет. — Эдик уже ничему не удивлялся.

— Почитай. И лучше в оригинале. Ты ведь можешь читать в оригинале? Ты же переводчик.